

дата о том, что скифы-пахари производили хлеб на продажу, мы должны были бы находить результаты этой торговли и, прежде всего, предметы, которые получались за хлеб от его покупателей, надо полагать, прежде всего, греческих. Но этих-то предметов в Западной Подолии мы как раз и не встречаем. Напротив, в Киевщине — в Тяньминской, Каневской и тем более в Журковской группах такие памятники представлены весьма обильно. Греческие предметы здесь, так же как и в Немировском городище, встречаются уже начиная с VII в. до н. э.; их количество увеличивается в VI в. и особенно много встречается в V в. до н. э. и позднее, т. е. как раз в геродотовское время. Интересно, что и торговые пути из Ольвии ведут не на Днестр и Западную Подолию, а в междуречье Днепра и Южного Буга. Достаточно указать, что один из левых, а не правых, — притоков Южного Буга назывался по-скифски «Эксампай»; он был южной границей «скифов-пахарей» и по-гречески назывался «Священные пути», что указывает на связь греческих купцов именно с местным населением междуречья Днепра и Южного Буга. Эта река «Эксампай» — «Священные пути», в современном названии, вероятно, река Синюха, как отмечает это и сам М. И. Артамонов, с одной стороны, своими притоками — Высью и Турьей ведет непосредственно к Журковской и Тяньминской курганным группам, с другой — к Рыжановской и Киевской и другим группам Киевщины. Весьма возможно, что эти пути могли служить торговыми связями с Полтавщиной и другими более восточными районами.

Таким образом, письменные источники и археологические памятники делают наиболее вероятным предположение, что основная территория скифов-пахарей лежала к западу от Днепра и по течению Южного Буга, в последнем случае, повидимому, в пределах так называемой Немировской культуры, в настоящие времена слабо исследованной, но имеющей много общих черт с культурой Среднеднепровской.

П. Д. Либеров

АРХИТЕКТУРА СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ АНТИЧНОСТИ

В 1922 году, намечая задачи работ молодого Туркестанского государственного университета по изучению Средней Азии, академик В. В. Бартольд указал на необходимость проведения специального исследования архитектурных памятников. Намеченный к составлению альбомом сохранившихся построек он предлагал начать в хронологическом порядке с мавзолея Саманидов в Бухаре (IX—X вв.), как самого раннего¹.

С тех пор советскими учеными выявлено огромное, исчисляемое сотнями, число памятников древней архитектуры — наземных или же погребенных в толщах культурных напластований. Открытые, в подавляющем большинстве случаев, в связи с работами крупных археологических экспедиций, эти памятники сразу же получили четкие хронологические даты. Отныне составление сводного корпуса по архитектурным памятникам Средней Азии можно было бы начать не с эпохи Саманидов, но по меньшей мере на полтора тысячелетия от нее назад.

Однако следует признать, что если в отношении памятников развитой феодальной архитектуры мы вправе констатировать большие успехи, то изучение архитектуры более древнего времени значительно отстало. Основные достижения здесь в большей мере принадлежат археологам и в несравненно меньшей степени историкам архитектуры. Работы последних дают в лучшем случае формальное описание какого-либо отдельного архитектурного объекта, реже — группы объектов. Однако материал настолько обширен, что можно уже перейти от этих частных описаний к более широким

¹ В. В. Бартольд, Отчет о командировке в Туркестан, Изв. РАИИМК, т. II, № 1, 1922, стр. 20—21.

обобщениям. Характерно, что до сих пор в печати не появилось детализированной периодизации истории среднеазиатской архитектуры. А между тем та углубленная работа по уточнению периодизации истории Средней Азии, которая, особенно за последние годы, была проведена советскими историками и археологами, с одной стороны, сами выявленные архитектурные памятники — с другой, уже дают, казалось бы, превосходный базис для построения такой периодизации.

В буржуазной науке архитектура Средней Азии до сих пор рассматривается лишь как некая провинциальная ветвь так называемого иранского зодчества¹. Безусловная заслуга ряда советских исследователей в том, что они выделили архитектуру Средней Азии как самостоятельный отдел истории мирового, в частности, так называемого «восточного» зодчества. Однако при рассмотрении этой архитектуры имеет хождение перенесенное из буржуазного искусствоведения подразделение ее на два периода: «мусульманский» и «доисламский»². Характерно, что в последней по времени обобщающей публикации видного исследователя среднеазиатского зодчества Б. Н. Засыпкина историческая архитектура Средней Азии делится на две категории — «древнюю» и «средневековую»³. По существу, это подмена новыми терминами тех же давно устаревших понятий — «домусульманской» и «мусульманской» архитектуры, так как границей между ними автор ставит арабское завоевание, а не те социально-экономические факторы, которые задолго до арабов определили в странах Средней Азии крупные исторические сдвиги и сопутствующие им новые явления в области художественного творчества среднеазиатских народов.

Задача создания хотя бы первичной периодизации истории среднеазиатской архитектуры, особенно для древних этапов жизни страны, представляется настоятельно необходимой. В основу ее, безусловно, должны быть положены не религия («ислам», «мусульманство») и не политические факторы смены династий или внешних завоеваний (походы Александра, завоевание арабов и др.), но основные моменты социально-экономической истории развития среднеазиатского общества.

Настоящий очерк посвящен обзору основных линий развития архитектуры Средней Азии для того этапа ее истории, имя которому «античность». Ему предшествовали более ранние стадии сложения и становления архитектуры как искусства, детально останавливаться на которых здесь не будем. Отметим лишь, что древнейший период развития среднеазиатского зодчества восходит в глубину тысячелетий. Пещеры и навесы первобытного человека зарегистрированы к настоящему времени в Узбекистане, на юге Таджикской ССР, в Туркмении, в Семиречье. Найдки на равнинах многочисленных остатков костищ в сопровождении археологического инвентаря эпохи неолита подсказывают вероятность сооружения древним человеком простейших шалашей и землянок.

С началом приручения и разведения животных и возделывания растений связано появление крупных общино-родовых жилищ. Таков огромный дом кельтеминарцев (древний Хорезм), овальный в плане, с тремя концентрическими рядами столбов, на которых поконилась система стропил простейшего шатрового перекрытия⁴; датировка его восходит к III тысячелетию до н. э. К высшей ступени архитектуры этого типа, изначальная дата которой пока четко не установлена, но которая доходит до середины первого тысячелетия до н. э., относятся постройки, выявляемые на территории Южного Туркменистана. Раскопками ЮТАКЭ 1949 г. на городище Намазгатепе, близ Каахка,

¹ См., например, «A Survey of Persian Art», ed. A. U. Pope, L.—N. Y. II, 1939, стр. 911.

² Ср. Б. П. Денике, Искусство Средней Азии, М., 1927, стр. 9—10; он же, Архитектурный орнамент Средней Азии, М.—Л., 1939, стр. 30, 38; Б. В. Веймар, Искусство Средней Азии, М.—Л., 1940, стр. 20, 22, 31 и др.

³ Б. Н. Засыпкин, Архитектура Средней Азии, М., 1948, стр. 9.

⁴ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948, стр. 68—69. рис. 18.

обнаружены остатки многокомнатного, большесемейного дома. Здесь налицо совершенство иные планировочные принципы и усовершенствование конструкций. В кельтеминарском доме, где обитала целая община — до 100—120 человек, по словам С. П. Толстова, «парная семья, судя по неустойчивости, подвижности семейных очагов... еще не обособилась в хозяйственно-бытовом отношении». В намазгинском жилище четко выявлена система маленьких, продолговатых комнаток, рассчитанных на семейную пару, а хозяйственно-кухонные помещения уже обособлены¹. Культурный уровень обитателей его неизмеримо выше, чем кельтеминарцев. Тонкая, превосходно выполненная на гончарном круге посуда, иногда покрытая росписью, глиняные статуэтки божков, изделия из бронзы, из алебастрового камня, наконец, развитая строительная техника указывают на значительный прогресс общественного развития. Строительным материалом служит сырцовый кирпич продолговатой формы (размеры — 44×22×11 см), положенный на глиняном растворе. Стены массивные — от 0,90 до 1,60 м. Пролеты помещений невелики — до 1,80—2 м. Их перекрывали своды «отрезками». Эта конструкция, связанная с использованием дешевого сырья — глины, взамен всегда драгоценного в условиях среднеазиатских оазисов дерева, представляет собою важное достижение местной строительной техники. Применение сырцовых сводов вертикальными или наклонными «отрезками», как известно, было широко распространено и в других богатых глиной и бедных лесом странах — в Месопотамии и Иране.

Наряду с жилищным строительством в эту эпоху появляются, несомненно, и сооружения общественного характера и среди них — культовые постройки, связанные с древнейшими религиозными представлениями местного населения. К числу их, видимо, принадлежат зарегистрированные М. Е. Массоном в горах Кара-Мазара вереницы вертикальных камней, поставленных в определенной системе и напоминающих «алиньманы» северной Франции. Назначение их, может быть, было связано с прохождением ритуальных процессий солярного или погребального культа. К периоду, характеризующемуся разложением первобытно-общинного строя и связанной с этим жестокой борьбой племен и племенных объединений, восходит создание тех обнаруженных С. П. Толстовым в Хорезме «городищ с жилыми стенами», которые впервые дают один из самых ранних примеров развитого крепостного строительства².

Несомненно, уже на этих ранних стадиях развития строительства на обширных территориях Средней Азии наметился процесс сложения локальных особенностей местных архитектур. Процесс дифференциации культурных явлений (в частности в области архитектуры) шел одновременно с формированием тех крупных племенных групп, из которых постепенно складывались народности и народы. Однако наиболее четкое выражение эти местные отличия приобретают в развитом классовом среднеазиатском обществе — в эпоху среднеазиатской античности.

Проблема «античной стадии» в отношении искусства Средней Азии впервые с большой определенностью была выдвинута В. Н. Чепелевым³ и развита С. П. Толстовым⁴. Археологические открытия на территории среднеазиатских республик наглядно подтверждают, что древние народы Средней Азии знали стадию местной античной культуры как порождения развитого рабовладельческого общества, в недрах которого она

¹ Аналогичную планировку жилого здания дали раскопки А. А. Марущенко на холме Ак-тепе, под Ашхабадом.

² Описание «городищ с жилыми стенами» Хорезма опускаем. См. С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 77—82. В 1949 г. одним из отрядов ЮТАКЭ, возглавляемым А. А. Росляковым, подобные городища были отмечены в Чарджоуском районе.

³ В. Н. Чепелев, Об античной стадии в истории искусства народов СССР, М.—Л., 1941; см. рецензии Б. В. Веймарна в журнале «Архитектура СССР», 1941, № 1, и В. Д. Блаватского, ВДИ, 1946, № 1.

⁴ С. П. Толстой, Периодизация древней истории Средней Азии, КСИИМК, вып. XXVIII (1949), стр. 25—28.

и развивалась. Ее расцвет охватывает в основном период с III в. до н. э. до IV в. н. э., хотя зарождение начинается несколько ранее. Но и в пределах этой эпохи устанавливаются по крайней мере два крупных этапа, гранью которых служит I век нашей эры.

Определяющим фактором этого расцвета были отнюдь не завоевания Александра Македонского, будто бы принесшего светоч высокой эллинской цивилизации в полудиковую Азию. В действительности походам Александра сопутствовало больше разрушений, чем созидательных действий. Завоевание среднеазиатских областей, населенных пестрым составом мужественных и свободолюбивых племен полуоседлых скотоводов, воинственных кочевников и трудолюбивых земледельцев, далось Александру нелегко. Три года (с 330 по 327 г. до н. э.) тяготились его войска среди гор и равнин Средней Азии, оставляя на своем пути потоки крови и прах разрушенных городов и селений для того, чтобы включить в состав новой мировой империи большую часть территорий современных среднеазиатских республик: Парфию и Маргиану (южный Туркменистан), Бактрию (часть южных областей Узбекской и Таджикской ССР и Афганский Туркестан), Согдиану (территория междуречья Кашка-Дарьи, Зерафшана, до Сыр-Дарьи на севере). Подлинно прогрессивное значение походов Александра заключалось не в том, что македонцы якобы насадили высокую цивилизацию в покоренных «полуварварских» странах, как это трактуется в буржуазной науке, но в том, что они включили эти страны высокой, но несколько изолированно развивавшейся древней цивилизации в орбиту более интенсивного и широкого международного общения, связавшего эллинистический мир со Средним и Дальним Востоком. Завоевания Александра были, как известно, непрочны, и уже с конца IV в. до н. э. территории эти входят в состав крупной эллинистической монархии Селевкидов. Но и селевкидское владычество оказалось здесь недолговечным, и уже к середине III в. до н. э. происходит отложение крупных царств — парфянского и греко-бактрийского.

«Эллинистический» этап развития местных архитектур был недолговечен, и выявлен он пока еще очень неполно. Известно, что Александр, беспощадно уничтожая на своем пути непокорные города (так, например, он подверг разрушению крупнейший город Согдианы — Мараканду, древний Самарканд), проводил политику насаждения в подчиненных областях македонских гарнизонов, для которых создавались (иногда на месте уже существовавших поселений) новые Александрии. Такова Александрия Маргианская (может быть, древний Мерв), Александрия Оксiana на Аму-Дарье, Александрия Дальняя — на Сыр-Дарье (где-то в районе города Ленинабада), Александрия Арийская (может быть, город Герат в Афганистане) и др. Пришлые завоеватели вскоре растворились здесь в массе местного населения. Селевкиды продолжали ту же политику насаждения городов (Селевкий и Антиохий) на торговых путях и у дальних границ своей монархии. Так возникает, например, Антиохия в Маргиане (тот же Мерв), обширная земледельческая округа которой при Антиохе Сотере (280—261 гг. до н. э.) обводится стеной протяжением свыше 260 км. Остатки этой стены, сложенной из глиняных блоков («пахсы»), мощностью до шести метров, были выявлены ЮТАКЭ в районе Байрам-Али в 1946 г.¹. В сооружении подобных городов, может быть, отразился опыт эллинистического градостроительства и принципы регулярной планировки. Архитектура все же в своей основе оставалась, несомненно, местной. Составить суждение о ней пока затруднительно, поскольку эллинистические слои обычно перекрыты мощными толщами археологических наслоений более поздних эпох.

Значительно более четко рисуются последующие этапы развития местной архитектуры. При несомненной общности развития этой архитектуры на обширных территориях Средней Азии, связанной с единством процесса общественного развития, этнической близостью населявших ее народов, однородностью природных условий и пр., мы считаем возможным выделить четыре главные школы: хорезмийскую, пар-

¹ С. А. Вязигин, Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы, «Труды ЮТАКЭ», I, Ашхабад, 1950, стр. 260—275.

фянскую, тохаристанскую и согдийскую¹. Расцвет их сопутствует формированию могущественных империй, возглавляемых династиями местного происхождения, которые в политике своей опирались не на призрачный авторитет полунадуманных родственных связей с македонскими или селевкидскими царями, но на реальные силы местных племен и народов. То были — Парфянское царство на юго-западе, до конца остававшееся единственным грозным и достойным соперником Рима (в Средней Азии оно охватывало территорию Южной Туркмении от Прикаспия до Мервского оазиса включительно); государство Кушан на востоке, владения которых включали территории северо-западной Индии, большую часть Афганистана, юг Узбекской и Таджикской республик, а иногда Мервский оазис, Хорезм и Восточный Туркестан; государственное образование Кан-гюй, или Кашгха, простиравшееся от Семиречья и Ферганы до Хорезма (отметим, что границы этих империй нередко взаимно перемещались). То была пора расцвета в Средней Азии патриархально-рабовладельческого общества, и с нею связано было сложение своеобразной духовной и художественной культуры, в основе которой лежала местная традиция, растворившая приносные элементы. Эту пору с полным правом можно назвать эпохой «среднеазиатской античности».

Развитие упомянутых выше архитектурных «школ» протекало на местной творческой основе. Создателями их были те коренные народы Средней Азии, к которым восходит этногенез народов среднеазиатских советских социалистических республик. Выявление этих «школ» имеет, таким образом, не формально-познавательный интерес, но поднимает важную проблему «культурного наследия» народов Средней Азии для самых отдаленных времен его созидания.

Хорезмийская школа

Хорезм — одна из древнейших в Средней Азии областей высокоразвитой оседлой культуры, основанной на искусственном орошении при помощи системы больших каналов. Архитектура древнего Хорезма, сохранившего в силу своей крепкой политической организации и, отчасти, выгодного географического положения наиболее независимую линию культурного развития, в свете многолетних работ С. П. Толстова, рисуется весьма четко². «Античный» период хорезмийского строительства отчетливо делится на два этапа. Первый охватывает время с IV в. до н. э. по I в. н. э. («кангюйское время» по классификации С. П. Толстова), второй — с I по IV в. н. э. («кушанское время»).

На первом этапе основным объектом строительства становится монументальный дом-массив, вмещающий несколько сот человек родовой общины. Эти дома определяют облик как сельского поселения, так и города. В первом случае в них сильно выражена оборонная функция, во втором эту функцию осуществляет фортификационная система городских стен. Основным строительным материалом служил сырец, с значительной примесью самана. Преобладающий размер кирпичей — 40×40×10 см. Кирпичи нередко несут особые знаки — родовые тамги, характерные для отдельных домов-массивов. Мощные стены достигают 5—6 м и покоятся на цоколе из глинобитных блоков («пахсы»). Оборонная функция этих стен ясно выражена устройством внутристенных проходов, откуда через многочисленные бойницы осуществлялся обстрел неприятеля. Широкое развитие получают арочные конструкции и свод «отрезками».

¹ Особую архитектурную школу составляли области Северного Туркестана — Ферганы. Однако материалы по архитектуре этих районов для интересующих нас эпох выявлены пока еще настолько слабо, что составление общей картины — дело будущего. Некоторые данные см. А. Н. Бернштам, Древняя Фергана, ВДИ, 1949, № 1, стр. 107—109.

² Здесь затрагиваем лишь основные вехи развития архитектуры античного Хорезма, широко освещенного в многочисленных трудах С. П. Толстова («По следам древнехорезмийской цивилизации», М., 1948, и «Древний Хорезм», М., 1948, там же исчерпывающая литература вопроса).

Раннеантичные памятники Хорезма наглядно иллюстрируют процесс усложнения и усовершенствования фортификационной системы. Очень типично городище Джанбаскала. Оно имеет прямоугольный план (200×170 м), ориентировано диагонально к странам света. В центре проходит улица, разделяющая два основных жилых массива и замыкающаяся культовым сооружением (видимо, святилищем огня). Городские стены, мощностью до 5 м, заключающие два яруса внутристенных проходов, лишены крепостных башен, но снабжены огромным количеством расположенных в шахматном порядке, в два яруса, узких бойниц — прямых, рассчитанных на павесной бой, или косых,

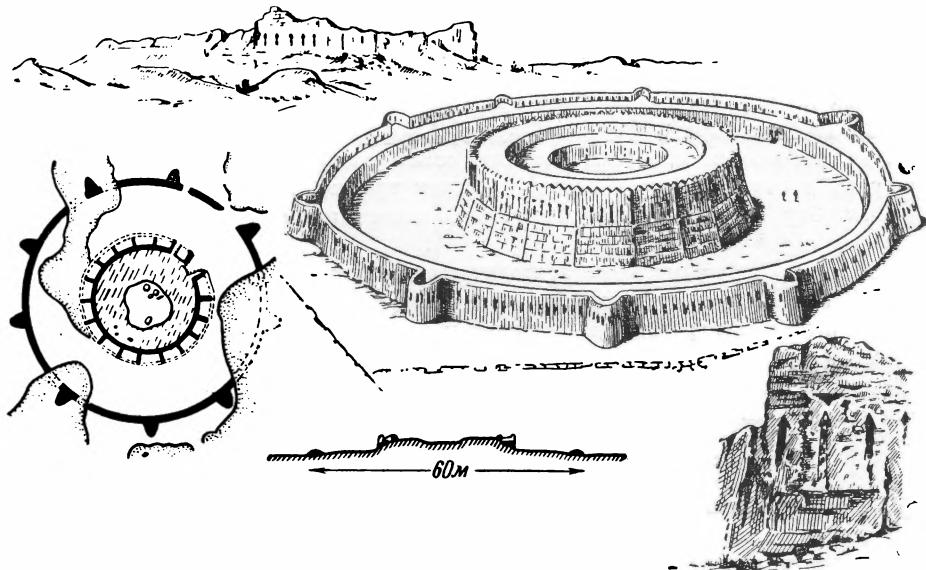


Рис. 1. Кой-Крылган-кала (по материалам С. П. Толстова)

предназначенных для флангового обстрела неприятеля. В северной стене выступает предвратное сооружение, со сложным коленчатым проходом, затрудняющим прорыв врага. Иную картину дает крепость Кой-Крылган-кала. Это не город, как Джанбаскала, но отдельно стоящий дом-массив. Участок охвачен валом, фланкированным башнями; посередине высится 18-гранный цитадель диаметром около 40 м. Стена ее расчленена на отсеки и снабжена бойницами. Внутренность цитадели заполняли жилые и хозяйственные постройки.

Во II—III вв. н. э., наряду с существованием крепостей, отмечается переход от укрепленных поселений к поселениям открытым, состоящим из большесемейных усадеб; в городах четко выделяется место общественных комплексов (культовые здания, рыночная площадь) и замок правителя. Строительная техника совершенствуется. Возникают разнообразные типы сырцовых сводов — эллиптические, полуциркульные, пониженного очертания. Чрезвычайно интересна система устройства оснований под сооружения. Это род платформ, образованных путем закрепления песчаных барханов наружной коркой из глины и обломков строительного кирпича, которая, цементируясь с песком, образует прочный панцырь. Цокольная часть постройки состоит из сырцовых или «пахсовых» субструкций (под стенами), отсеки которых заполнялись песком вперемешку со строительным мусором. Прием этот был распространен в античном строительстве Хорезма повсеместно.

В крепостной архитектуре этой эпохи, наряду с применением внутристенных сводчатых проходов и стрелковых галерей, отмечается введение башен. Стены крепости Аяз-кала № 1 фланкируют многочисленные, близко расположенные полукруглые башни. В Базар-кала башни прямоугольные, но также расположенные на близких

расстояниях друг от друга. Позднее число их постепенно сокращается (Кургашин-кала, Ангка-кала и др.), так как для фланговых обстрелов с успехом служат развитые башни углов (часто оформленные в виде «ласточкина хвоста» — сопряжением на углу двух смежных башен) и некоторое количество башен промежуточных. Именно эти ранние стены с часто расположеннымными башнями послужили исходными образцами для создания тех «гофрированных стен», которые характерны для сырцовых построек Средней Азии, начиная с V—VI вв. н. э., встречаются на памятниках средневековой архитектуры и пережиточно сохраняются в народной архитектуре вплоть до последних столетий. Возникновение «гофр» связано не с конструктивной функцией укрепления стен, как это часто предполагают (при чрезвычайной мощности сырцовых стен гофры едва ли играли в этом отношении какую-либо значительную роль), но именно с крепостным строительством античности; поэтому в них сохраняются такие крепостные элементы, как, например, ложные бойницы.

Архитектура античного города проходит путь дальнейшего развития. Выдающийся памятник эпохи — Топрак-кала. Это большой город правильной четырехугольной формы (450×270 м), ориентированный по странам света и обнесенный мощными стенами из сырцового кирпича с прямоугольными башнями. Его рассекает длинная улица, к которой примыкают кварталы жилых построек, не расчлененных на отдельные дома, но представляющих собою значительные комплексы помещений (до 200 в одном из массивов). Это большие общинные дома со сложной и запутанной планировкой; при каждом из них — своя башня («донjon»). Улица подводит к обширному ансамблю построек, видимо, культового характера, с главным зданием храма огня, обведенным двойными стенами, к которому примыкало множество длинных коридорообразных сооружений. К северу располагалась система внутренних дворов, а в северо-западном углу находился замок правителя (III в. н. э.). Здесь также был двор и группа разнообразных помещений, а в углу высился величественный трехъярусный «донjon» (высота его в настоящее время более 20 м), господствовавший над городом и его окрестностями. Выявлено до трехсот помещений дворца, большая часть которых уже раскопана. Часть этих комнат украшала фресковая живопись, выполненная живыми, яркими красками. Палитра очень богата, сюжеты разнообразны. Здесь можно видеть девушку-музыкантшу среди акантов (мотив, перекликающийся тематически и стилистически с рельефом фриза из Айрытама — об этом см. ниже); девушек, несущих плоды; волны реки и речную птицу-хищника — скопу, поньне живущую на Аму-Дарье и питающуюся рыбой; черноликих воинов; смуглых женщин со строгим профилем несколько тяжелых лиц. Одна из главных зал заключала целый пантеон глиняных, крашеных статуй, видимо галерею портретов обожествленных членов парствующей династии. Замки, аналогичные топрак-калинскому, хотя и уступающие ему масштабом, сохранились в Эрес-кале, в Кырк-кызы-кале и других городищах той же эпохи.

Архитектура античного Хорезма стилистически как бы воскрешает формы зодчества классического Востока (Месопотамия): в композиции города преобладают мощные геометрические объемы, в силуэте царят вертикальные массивы башен, в планировке — параллельность архитектурных линий, при асимметрии общего решения. Но при всем том, здесь несомненно новые тенденции, выводящие архитектуру хорезмийских городов из круга древневосточных культур в область явлений античности: они, в частности, сказываются в сложении новых принципов градостроительного искусства, в развитии и совершенствовании фортификации. Синтетический стиль хорезмийской архитектуры, сливающий монументальную архитектуру, скульптуру и живопись в единое органическое целое, ставит памятники, подобные Топрак-кала, в ряд выдающихся произведений мирового зодчества.

Парфянская школа

Важные данные для истории парфянской архитектуры открыло изучение развалин крупного парфянского города Нисы (Парфавписа античных авторов), лежащих в 18 км

от Ашхабада, на землях селения Багир¹. Здесь сохранился огромный холм царского города-заповедника (городище «Старая Ниса») и античного города (городище «Новая Ниса»), имевшего еще внешнее кольцо обширной стены, охватывавшей городскую округу. «Старая Ниса» — это неприступная парская крепость площадью около 15 га, в виде вытянутого неправильного пятиугольника, с мощной глинообитной платформой, воздвигнутой на естественном геологическом останце. Крепость возвышалась над прилежащей территорией на 20—25 м, была сложена из «пахсы» и сырца, с наклонными гранями, фланкированными близко расположенными прямоугольными башнями и бастионами; вход был обращен в сторону города; въезд осуществлялся по отлогому пандусу. Внутри территории заключала сложный многовековой комплекс дворцовых и культовых зданий, группу служебных построек, дворы, водоемы, возможно, парк. Территория парфянского города («Новая Ниса»), унаследовавшего от доэллинистического времени неправильную конфигурацию, также была охвачена мощными крепостными стенами; в северо-западном участке его располагался некрополь парфянской знати.

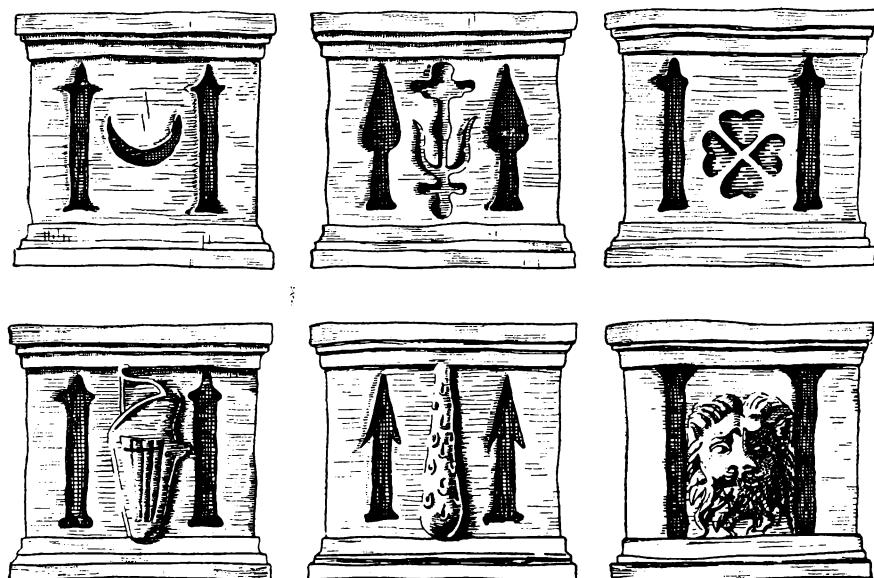


Рис. 2. Старая Ниса. Терракотовые «метопы»

Основным материалом строительства служил крупный сырцовый кирпич квадратной формы (39—42 см при 9—13 см толщины), положенный на глиняном растворе. Жженый кирпич использовался лишь в конструкциях столбов и колонн. В облицовке употреблены терракотовые плиты и штукатурка алебастром (белым или с подкраской), нередко — простой глиной. Характерен прием сырцовой кладки с заливкой раствора липь по горизонтальным постелям, в силу чего вертикальные швы часто остаются пустыми, четко выявляя структуру массива. Стены очень мощные, до 3—4 м, а крепостные — до 6—8 м. Кирпичные колонны обычно покоятся на кирпичной же подушке, лежащей на уплотненном галечном основании и слое мелкого пустынного песка, видимо, игравшего роль особой эластической постели, погашавшей сейсмические колебания. Перекрытия или балочные — деревянные, или сводчатые. Своды сырцовые,

¹ Археологическое изучение Нисы начато было в 30-х годах А. А. Марущенко и получило особенный размах в работах ЮТАКЭ, возглавляемых М. Е. Массоном, в 1946—1949 гг.; см. «Труды ЮТАКЭ», I.

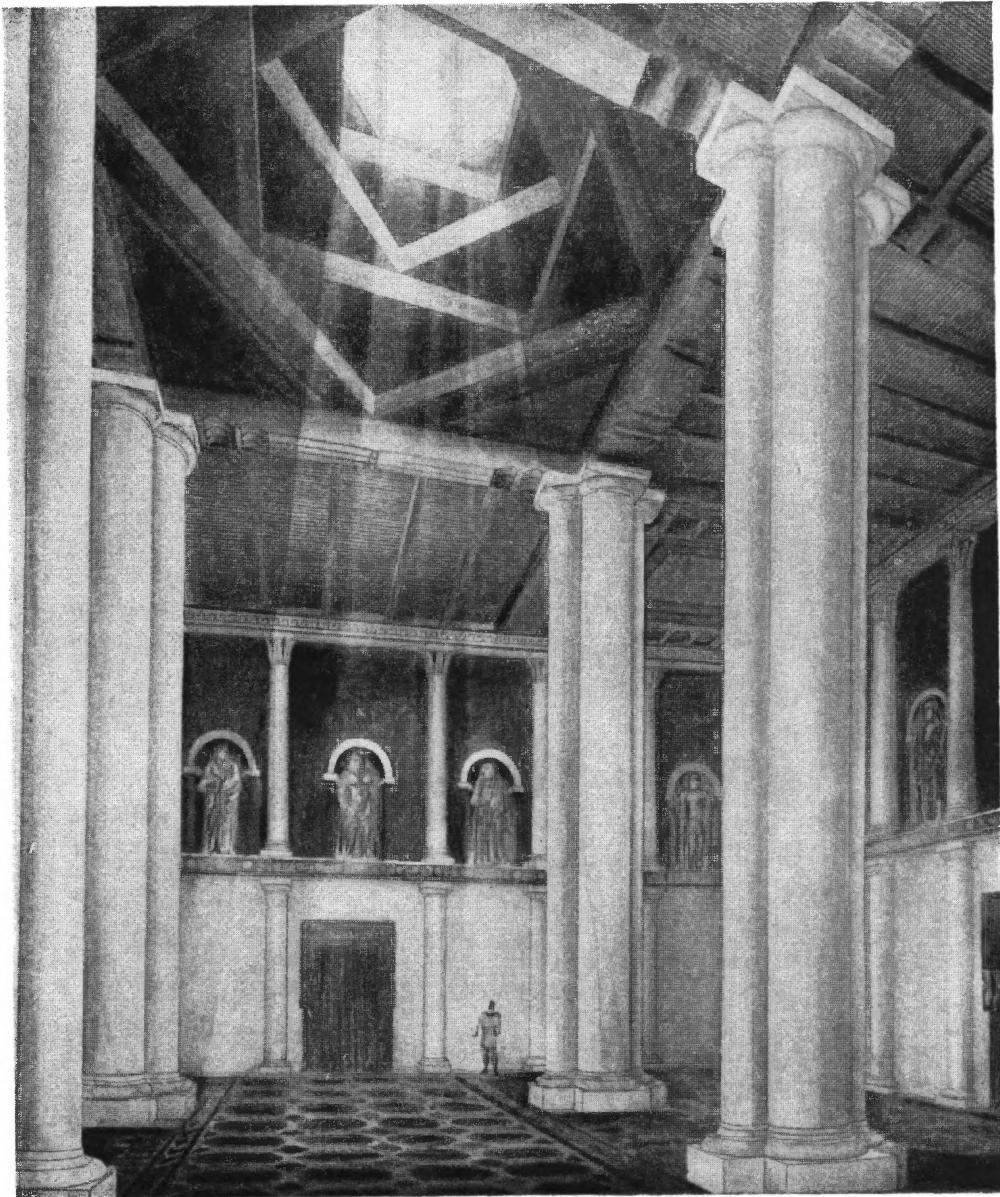


Рис. 3. Старая Ниса. Зал обожествленных предков. Реставрация Г. А. Пугаченковой

выведенными наклонными отрезками эллиптического очертания, пролет их достигает 2,50—3,00 м; небольшие пролеты (например дверей, некоторых погребальных камер) перекрыты сырцовым клинчатым сводом полуциркульной или лучковой кривизны.

В сложном архитектурном организме царского дворца отмечается несколько периодов строительства. Ранний, относящийся к периоду «филэллинства» парфянских царей, связан с существованием здания III—II вв. до н. э., украшенного терракотовыми плитами, профилизированными тягами, зубчатыми парапетами и крытого кирзовыми черепицами. Особенno интересна группа плит типа метоп, содержащих прорезные или горельефные изображения династических и культовых эмблем: полумесяц, четырехлепестковую розетку, особый династический знак-тамгу, львиную маску, колчан и лук, палицу; в последней можно видеть отражение культа Геракла, мужественного героя античности, слившегося с образом местного божества — Веретрагны. Элементы эллинистической архитектуры (аканты, антефисы, маска льва, подобная акротериям греческих храмов) здесь сочетаются с типично местными мотивами, каковы, например, ступенчатые зубцы парапетов с прорезными стрелками, фигура полумесяца и др.

В некрополе города в ту же эпоху возникает культовое здание прямоугольной формы со стенами до 10 м высоты; в верхней половине стены были оштукатурены белым алебастром, а в нижней — окрашены в малиново-красный цвет и оформлены черными полуколонками на ступенчатом (тоже черном) стереобате. Капители их, выполненные горельефом на плоской терракотовой плитке, имеют волюты-загитки и розетку посередине. Это та особая «азиатская прайоника», генезис которой связан с развитием местной деревянной архитектуры, с мотивом резных деревянных подбалок, доныне употребляющихся в местном народном строительстве. Здание было охвачено по периметру колонным «айваном», также характерным для среднеазиатской народной архитектуры. Деревянные колонны покоялись на торовидных каменных базах. В форме последних можно видеть прообраз того «кузаги» — шаровидного элемента, который встречается на среднеазиатских колоннах и в средневековые, и в наши дни.

Наиболее интенсивный процесс строительства в Нисе падает на время с I в. до н. э. и особенно на I—III вв. н. э., когда Ниса уже является как бы запрестольной резиденцией Арсакидов, перенесших столицу в Селеквию на Тигре, но проявлявших большое внимание к городу, где располагались их династические усыпальницы. В Новой Нисе слагаются постройки некрополя в виде целой системы погребальных камер — продолговатых сводчатых комнаток, окрашенных красной штукатуркой. В царском заповеднике возникает множество новых помещений, включающих большие залы, перистильные дворы, подсобные помещения, коридоры и лестницы. Особенно замечателен парадный двадцатиметрового пролета квадратный зал с тремя перспективно оформленными по фасаду входами (впоследствии заложенными). Стены интерьера расчленены на два яруса. Нижний оформлен полуколоннами, в верхнем располагались пристенные круглые колонны (деревянный ствол, обмазанный глиной и оштукатуренный алебастром), между которыми в нишах стояли монументальные, до 2,5 м высотой, глиняные статуи. Перекрытия деревянные, основные прогоны покоялись на четырех мощных кирпичных столбах четырехлопастного сечения. Гладко оштукатуренные белым алебастром стены и глиняные полы, очевидно, украшались драгоценными коврами и тканями.

В северной части дворцовой группы Старой Нисы вскрыты остатки лувх портиков на четырех кирпичных колоннах, с характерным профилем баз так называемого «аттического типа». Южную группу построек составляли мощная башня (видимо, храм, наподобие зиккурата), круглый зал диаметром около 17 м, целая система промежуточных комнаток, коридоров и галерей. В III—IV вв. «царский город» был заброшен.

Для ранних периодов архитектуры Нисы отмечается своеобразная переработка на местной основе элементов восточноэллинистического зодчества, в результате которой слагается новый парфянский стиль. Для более поздних — сложение мощного, своеобразного архитектурного стиля, в котором усматривается общность с группой парфянских памятников Месопотамии, особенно дворцовых и культовых комплексов Ашшура, Нишпира, Варки (планировка, конструкции, архитектурные формы и детали).

В значительно меньшей мере прослеживаются точки сходства с архитектурой одной из парфянских столиц — Хатры или города Дура-Европос. Архитектура Нисы, в отличие от этих стоявших близко к границам римских владений городов, не подвергалась римским влияниям и сильнее выражает свою азиатскую специфику.

Тохаристанская школа

Территории Тохаристана соответствовали основные области государства Кушан. Древний Термез и прилежащие античные городища дают богатый материал для изучения тохаристанского зодчества. В III—II вв. до н. э. территории эти входили в состав греко-бактрийского царства, границы которого временами простирались до Индии. Одним из греко-бактрийских царей был основан город Деметрия (Термез), имевший в ту пору площадь около 10 га. Памятники греко-бактрийского прикладного искусства свидетельствуют об участии в их строительстве высококвалифицированных ремесленников, может быть, прошедших выучку в мастерских эллинизма. Однако архитектура этой эпохи вырисовывается; еще очень смутно.

Лучше выясняется она для эпохи Кушан. К началу нашей эры Термез — большой город, площадь которого достигает 500 га, город с интенсивной жизнью, с развитым ремеслом и обширным строительством. Множество малых городков возникает и в его округе (городища Айрытам, Хатун-рабад и др.). К началу же нашей эры отмечается широкое проникновение из Индии буддизма; в Термезе возникает большая буддийская община¹. Материалом строительства служили для городских стен «пахса» и крупный сырец. Стены оштукатурены глиной или алебастром. Широкое распространение

имеет облицовка стен каменными плитами. Материал — белый, очень красивой фактуры мергелистый известняк, который добывался в близлежащих карьерах и доставлялся на место в виде полуобработанных глыб или оформленных деталей. Мягкая структура камня, легко поддающегося резцу, позволяла использовать его для изготовления профилированных тяг, фигурных деталей, для горельефа и круглой скульптуры. Наряду с камнем различные архитектурные и даже скульптурные детали (карнизы, аканты, антефисы и пр.) нередко выполнены из алебастра. Обработка круглых профилированных каменных баз, на отшлифованной (но не полированной) поверхности которых ясно прослеживаются концентрические линии, видимо, производилась с помощью врашающегося инструмента. Для высекания различных элементов горизонтальной профилировки — тяг, карнизов, — служили, очевидно, некие шаблоны, корректировавшие облом. Скульп-

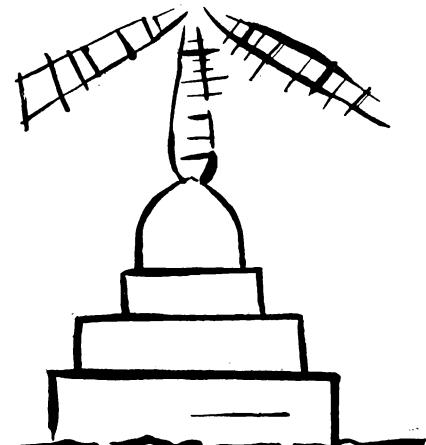


Рис. 4. Изображение буддийской «ступы» на стене одного из помещений пещерного монастыря на холме Кара-Тепе в Термезе

турный же рельеф высекался по индивидуальному рисунку.

Конструкции перекрытия были балочные — деревянные и сводчатые. Свод сырцовый, выложжен наклонными отрезками, повышенной кривизны (пока отмечен для III —

¹ Основные публикации по архитектурным памятникам древнего Термеза и Айрытама: М. Е. Массон, Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков нашей эры, Ташкент, 1933; он же, Скульптура Айрытама, «Искусство», 1935, № 2; он же, К изучению археологических памятников правобережного Тохаристана, «Социалистическая наука и техника», 1937, № 1; К. В. Тревер, Искусство Греко-Бактрии, М.—Л., 1940, стр. 149—158; Сб. «Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 года», Ташкент, 1941; Сб. «Термезская археологическая экспедиция 1937—1938 гг.», Ташкент, 1945.

Рис. 5. Айрытамский фриз. Деталь.



IV вв. н. э.). Среди каменных облицовок встречен фрагмент замка килевидной («индийской») арки. Судя по изображениям увенчанных куполами буддийских «ступа» на стенах пещерного монастыря в Термезе, можно предположить существование купольных перекрытий. В оформлении стен отмечается применение горизонтальных профилированных тяг, поясков, карнизов и вертикальных раскреповок или слегка выступающих пилястр. Встречаются элементы греко-римской архитектуры, но применение их самое произвольное: моденатура тяг крайне усложнена, различные обломы (валики, выкружки, скосы и пр.) даны в самых неожиданных комбинациях, архивольты арок оформлены дентикулами или модульонами, что совершенно необычно для классического зодчества. Отмечены каменные пилястры и отдельно стоящие колонны. Наряду с этим употреблялись, несомненно, и деревянные стойки. Характерна форма каменных базисов, которые при различии высот и диаметров, имеют абсолютно тождественную последовательность обломов, по типу так называемой «аттической базы»: квадратный плинт, на котором покоятся два разделенных скосами и полочками тора. Встречаются также каменные торовидные базы на ступенчатом основании. Широко распространены тип коринфизированных капителей, имеющих ряд вариантов. Они характеризуются сдавленностью пропорций, массивностью волют с крутым раствором спирали, двумя или тремя рядами акантов с сильно выделенным прожилком и схематически моделированными лепестками. Очень интересна капитель с двухрядным расположением акантов, в куще которых изваян буддийский персонаж, под арочкой, с круглым предметом в руках.

Среди наиболее выдающихся комплексов назовем Айрытамское святилище. Оно заключало два помещения буддийского храма, из которых первое представляло собой род пронаоса, а второе — собственно святилище, где находился реликварий с «мощами Будды». Пронаос был облицован камнем и заключал вверху богатый горельефный фриз ритмически повторяющихся в два ряда акантовых листов, с фигурами нарядно одетых девушек и юношей с музыкальными инструментами, сосудами, гирляндами цветов в руках; углы поворотов закреплены волютами. Полагают, что здесь изображены воплощения пяти небесных звуков, услаждавших слух Будды, и «девапутры», устилавшие путь его благоуханными цветами. Памятник датируется I—II вв. н. э. Значительное число находок различных буддийских изваяний (статуи будд, боддисатв, всевозможные символические фигуры) свидетельствует о широком распространении скульптуры в этих районах.

В северо-западной части античного Термеза, на возвышенности Кара-тепе, располагался комплекс помещений буддийского монастыря, высеченный частично в напластованиях сильно спементированных песчано-речных отложений. Среди наземных сооружений отмечены остатки крупной «вихара» и хозяйственных построек, в частности, керамических и железообрабатывающих мастерских. Подземные помещения расположены в два яруса и имеют вертикальное сообщение. В разных уровнях холма прослеживаются выходы наружу, облицованные каменными плитами. Принцип планировки пещерных помещений основан на системе пересекающихся примерно под прямым углом коридоров, обводящих или подводящих к прямоугольным кельям с лежанками, с нишками для утвари, светильников, книг. Помещения были лишены дневного света, но зато спасали обитателей от резких перемен изнуряющего местного климата. Коридоры — сводчатой формы (типа коробового свода), плафоны келий также имеют вид либо коробового, либо зеркального свода. Убранством стен служила алебастровая штукатурка с фресковой живописью (по золотому фону?), ныне почти исчезнувшая, в силу того, что песчаниковый грунт оказался очень плохой для нее поддержкой. Здесь отмечена, наряду с несложными орнаментами бордюров, часть какой-то многофигурной композиции: вереница ног, полуприкрытых длинными одеждами.

Другой крупный монастырский комплекс, как полагают, бывший одновременно крупной торговой факторией, располагался к западу от Термеза, на возвышенности Чингиз-тепе. Он имел площадь выше 4 га, был обнесен стеной крепостного типа из сырцового кирпича со многими башнями, облицованными камнем, из которых угловые,

возможно, представляли собою «ступа». Сооружения были пещерные и наземные, причем последние возвышались несколькими ярусами, от подошвы до вершины естественной гряды.

К группе буддийских памятников древнего Термеза относится так называемая башня Зурмала (в северо-восточной части городища), отожествляемая с буддийской «ступа». Это массивное сырцовое сооружение, квадратное в плане, с оплывшим (видимо, купольным) завершением. Внутри башня содержит в разных ярусах две небольшие коридорообразные камеры. Найденные у подножия отесанные блоки мергелистого известняка служили, очевидно, облицовкой внешней поверхности памятника. Обнаруженные в разных пунктах Термеза криволинейные каменные блоки со сложной моделюрой указывают на существование каких-то других круглых сооружений диаметром до 10—12 м, может быть, также «ступа».

Формирование монументальной архитектуры Термезского района первых веков до и после нашей эры протекало в сбщей связи с развитием искусства сопредельных территорий Афганистана (ср. памятники Бамиана и Хадды) и северозападной Индии (так называемая Гандхарская школа). Здесь та же архитектурная тематика — «ступа», пещерные монастыри, храмы; здесь те же архитектурные принципы переработки ордерных систем в новых, соответствующих местной традиции нормах пропорций и сочетания деталей; здесь те же художественные методы — горельефная пластика и монументальная стенопись. Архитектура Тохаристана предстает, как сложный гибрид культур, в котором греко-римские элементы растворены в местной, индо-среднеазиатской традиции.



Рис. 6. Согдийская колонна (изображение на терракотовой плите)

виями, заключающими часто расположенные бойницы. К ним примыкали помещения, крытые коробовыми сводами «отрезками» эллиптического очертания. Тали-Барзу — одно из тех многочисленных античных поселений, остатки которых разбросаны на территории древнего Согда и которые к IV—

¹ Г. В. Григорьев, Городище Тали-Барзу, ТОВЭ, II (1940), стр. 89—90, 92, 95. Датировки археологических слоев Тали-Барзу, по мнению ряда исследователей, чрезмерно завышены; даты ранних слоев городища должны быть передвинуты на несколько столетий вперед.

Согдийская школа

С своеобразие архитектуры Согда видно даже на тех пока немногочисленных памятниках, которые подвергались изучению. И здесь, как вообще в Средней Азии, основным строительным материалом служила глина — «пахсовые» блоки, сырец, реже жженый кирпич. И здесь экономия леса побуждала, наряду с барабанными перекрытиями, использовать сводчатые конструкции (свод «отрезками», купол на конических или перспективных парусах). Типичным памятником монументального строительства может служить городище Тали-Барзу близ Самарканда, представляющее остатки одного из крупнейших замков согдийской знати в местности Маймург. Тут выявлен многовековой комплекс многочисленных сооружений I—VII вв.¹ Они образуют квадрат городища, в центре которого находится здание античного типа, с баш-

¹ Г. В. Григорьев, Городище Тали-Барзу, ТОВЭ, II (1940), стр. 89—90,

У вв. были покинуты или перекрыты позднее сооружениями укрепленных феодальных замков.

Для изучения элементов древнесогдийской архитектуры весьма полезны могут быть памятники местной торевтики и коропластики¹. Так, на некоторых согдийских кувшинах, видимо, ритуального назначения, встречаются изображения жриц с птицами и культовыми объектами в руках, стоящих под арками, укрепленными на колоннах. Арочные архивольты украшены дисками и розетками; колонны имеют гладкий, или витой ствол, капители коринфизированного или шаровидного типа и базу в виде шара на плинте (т. е. мотив торовидного базиса, прообраза будущего «кузаги» среднеазиатских колонн). Шаровидные и торовидные каменные базы, иногда на ступенчатом основании, зарегистрированы нами недавно в городах древнего Согда — в Самарканде и Китабе (древний Кеш).

Глиняные гробики-оссуарии, связанные с местным маздеистическим погребальным ритуалом, нередко несут на лицевых поверхностях различные штампованные или лепные украшения; системы аркад (арка полуциркульного или эллиптического очертания), разнообразные колонки — с капителями растробообразной формы, иногда оформленные волютами, иногда снабженные импостной подбалкой; базис этих колонок трапециевидный, отделен от ствола тором. Видимо, эти композиции отражают архитектуру колонных портиков и аркад не дошедших до нас зданий согдийской культовой архитектуры. Раскопками Согдийско-Таджикской археологической экспедиции, возглавляемой А. Ю. Якубовским, начато в 1947 г. вскрытие остатков культового здания в Пянджикенте, с портиком на деревянных колоннах по фасаду и с квадратным помещением главного зала, деревянные перекрытия которого, обильно украшенные резьбой, также поколились на четырех центральных колоннах.

Несомненно, самым выдающимся и пока наилучше изученным памятником античного согдийского зодчества является Варахшский дворец, в течение ряда лет обследуемый В. А. Шишкиным². Варахша — одно из древних поселений бухарского оазиса, значительно старше, чем сама Бухара, в течение некоторого времени была резиденцией местных «худдатов» — правителей этой богатой, орошенной каналами земледельческой области. Жизнь оазиса значитель-

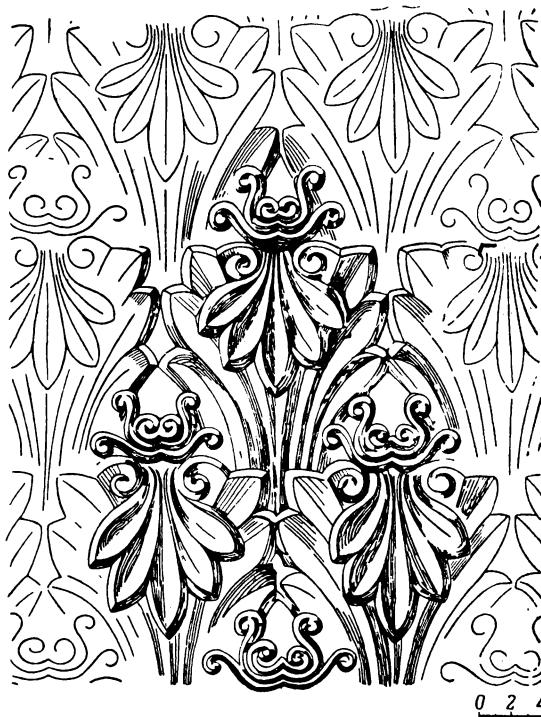


Рис. 7. Варахшский дворец. Резьба по ганчу

¹ Г. А. Пугаченкова, Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах, «Труды Института истории и археологии АН УзССР. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана», т. II, Ташкент, 1950, стр. 8—57.

² В. А. Шишкин, Новые данные по искусству Согдианы, «Искусство», 1938, № 5; он же, Исследование городища Варахша и его окрестностей, КСИИМК, X (1941); он же, Архитектурная декорация дворца в Варахше, ТОВЭ, IV (1947), стр. 225—292.

но сократилась уже в IX в., а в настоящее время он окончательно поглощен песками пустыни. Дворец, красота которого, по выражению средневекового историка, вошла в поговорку, имел несколько этапов строительства, из которых основной, как будто падает на III—IV вв. Общая планировка его пока не выяснена. Раскопками вскрыта часть большого зала и дворика и несколько продолговатых помещений, забитых строительным мусором, видимо, попавшим сюда из верхних этажей. Здесь были собраны тысячи кусков великолепного резного алебастрового стука, некогда украшавшего сырьёные стены покоя и залов. Техника обработки заключается в индивидуальной резьбе по сырому алебастровому намету, слой которого, в зависимости от характера рельефа, колеблется от 2 до 30 см. Плоская орнаментация, видимо, осуществлялась по тонко прочерченному или припорошенному рисунку, горельефные композиции выполнялись индивидуальной объемной лепкой. Кое-где отмечаются следы окраски. Плоскости стен заполняли большие орнаментальные панно, горизонтальные неширокие фризы, полуколонки, карнизы, арки. Сюжеты орнаментации исключительно разнообразны. Они дают вариации геометрических сеток, квадратов и ромбов в прямом и диагональном расположении с розетками, трилистниками, звездами внутри них. В обрамлениях и фризах — шнуры сосочеков, сердечек, побегов. Большие панно заполняют то центрическая композиция в виде крупного круга-колеса, заключающего шестнадцатилепестковую розетку, от которой отходят акантообразные листы и стилизованные плоды, то развертывающийся в бесконечном раппорте узор из плоских акантов и сильно переработанных пальметт. Иногда растительные мотивы передаются почти натуралистически: например, виноградные лозы с гроздьями и листвой или деревья с мощными, сучковатыми стволами и пышной кроной. Большое место занимали изобразительные композиции, от которых сохранились фрагменты фигур людей и животных. Тематика их пока неясна; может быть, то были сцены охоты, может быть, мифологические сюжеты. Здесь встречаются рыбки в волнах; вереница бегущих куропаток; хищные птицы; змей. Здесь лань и мифические существа — крылатый конь, сказочная женщина-птица. Здесь переданные в разнообразных поворотах головы девушек, юношей и бородатых мужчин; кисти рук с изящными пальцами; превосходно изваянные торсы тел — то обнаженных, то украшенных легкими тканями, подвесками, нитями бус.

Центральный зал и некоторые другие помещения украшала живопись. По охристо-красному фону белой, желтой, ярко-красной, розовой, зеленой и голубой краской изображены сцены борьбы сидящих на слонах принцев с грифонами, шествия животных, реальных и фантастических, согдийские щадники, стреляющие из лука на всем скаку.

Варахшский дворец — наглядное свидетельство торжества местной художественной школы. Пластическое совершенство форм, уверенное мастерство выполнения, многообразие и своеобразие изобразительных сюжетов ставят его в ряду произведений зрелого искусства, выработавшего самостоятельный творческий метод и стиль. Вместе с тем памятник этот дает указание на широкие стилистические связи с искусством сопредельных стран. Резной стук Варахши предвещает стуковые декорации сасанидских комплексов Дамгана, Ктесифона, Рея, Киша и др. Росписи буддийских монастырей Бамиана, Восточного Туркестана, Мирана близки к варахшской стенописи по технике, стилю, сюжетам. Дворец Варахши представляет кульминационный этап развития искусства античного Согда, традиция которого сохранится на местной основе в течение столетий. Так, для эпохи, предшествующей завоеванию Согда арабами, имеется указание на существование в главном согдийском городе Кушании (в районе современного Катта-Кургана) здания, стены которого украшали живописные изображения китайских, индийских, тюркских, иранских и византийских государей. О сохранении высоких живописных традиций в Согде VII—VIII вв. красноречиво говорит открытие замечательных памятников монументальной стенописи при работах Согдийско-Таджикской археологической экспедиции 1948—1949 гг. в Пянджикенте. Высокое мастерство резьбы по ганчу и живописи по сырьем штукатуркам, претерпевшая на протя-

жении веков определенные изменения, сохранено до наших дней в неподражаемом творчестве народных мастеров Узбекистана.

* * *

Конец III—IV вв. н. э.— это период кризиса в Средней Азии рабовладельческой системы, распада местных античных государств, усложненного вторжением новых волн северных кочевников (хиониты, эфталиты, тюрки). Результаты кризиса красноречиво сказываются на памятниках культуры. Крупные античные города уменьшаются (Терmez, Самарканд), малые хиреют или гибнут (пример — Айрытам). К V в. строительство в значительной мере переключается из зоны больших городов в сельскохозяйственные округа.

С V в. начинается новый этап развития среднеазиатского зодчества, связанный с зарождением элементов феодального уклада. Причем, подобно тому, как в новых общественных условиях сохраняются известные элементы в целом рухнувшего патриархально-рабовладельческого строя, в раннефеодальной архитектуре сохраняется многое от предшествующей эпохи. В этом — преемственная связь с художественными достижениями прошлого, сохранение народной традиции и передача ее (с соответствующей переработкой) следующим поколениям.

Г. А. Пугаченкова

О МОНЕТАХ, ПРИПИСЫВАЕМЫХ САВМАКУ

По установившемуся в исторической и нумизматической литературе мнению, эллинистические монеты с легендой ΒΑΣΙ... ΣΑΥΛ... принадлежат знаменитому Савмаку, возглавившему восстание скифов против боспорского царя Перисада¹. Но в связи с последними исследованиями в области нумизматики древней Колхиды² необходимо вспомнить о существовании другой, теперь уже забытой точки зрения, ставшей особенно интересной после публикации статера колхского басилевса Аки.

Первым издал эту монету А. Заллет, который предпочитал видеть в последней букве, оставшейся на монете от имени царя, ламбду³. Вслед за ним и А. Гутшмид, читая легенду, как ΒΑΣΙ... ΣΑΥΛ..., уже прямо отождествлял это имя с именем легендарного колхского басилевса Саулака⁴, упоминаемого Плинием (NH, XXIII, 52), и полагал, что оно принадлежит второму колхскому царю, носившему это негреческое имя⁵.

Однако Р. Вейл предложил читать имя на монете как имя Савмака, а не Саулака, и отнес ее к неизвестному династу из Спартокидов, якобы тоже носившему это

¹ С. А. Жебелев, Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, ВДИ, 1938, №3, стр. 66; В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 304.

² Д. Г. Капанадзе, Новые материалы к изучению статеров царя Аки, ВДИ, 1948, № 1, стр. 150—155; Л. П. Харко, Существовал ли царь АКНС?, ВДИ, 1948, № 2, стр. 135—141; Д. Г. Капанадзе, О достоверности имени, выбитого на статере базилевса Аки, ВДИ, 1949, № 1, стр. 161—165; он же, О древнейших золотых монетах Грузии, ВДИ, 1949, № 3, стр. 156—169; он же, Заметки по нумизматике древней Колхиды, ВДИ, 1950, № 3, стр. 193—196.

³ A. Sale t, Saul... oder Saum..., ein kolchischer oder scythischer König, ZfN, III (1876), стр. 56—60.

⁴ Как любезно сообщил Д. Г. Капанадзе, имя Сауле или Савле до сих пор бытует среди населения Западной Грузии.

⁵ A. Gutschmidt, Saulakis, König von Kolchis, ZfN, III (1876), стр. 150—153.